

Обычно, приезжая в Саратов, я в первый же день звонил ему. Раздавалось долгое «А-а-а... Георгий Александрович! Приходите прямо сейчас, Поленька нам что-нибудь соберет». Так было почти 30 лет.

Последний разговор летом 1997 был такой:

– Я не могу вас позвать. У нас плохо.

– Что плохо?

– Все плохо. Простите.

Мне уже дважды пришлось писать воспоминания о близких мне ушедших из жизни людях. В этом году мне самому должно исполниться 70 лет, а Яков Фомич покинул этот мир в 71. Невольно подводишь собственные итоги. Не все сложилось, не всем доволен. Однако было в моей жизни везение, не всем выпадающее – замечательные люди. Очень разные, но замечательные.

Мои воспоминания об Аскине

В.Н. БЕЛОВ

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой
философии культуры и культурологии,
декан факультета философии и психологии
Саратовского государственного
университета

С Я.Ф. Аскиным я стал достаточно интенсивно общаться с середины 90-х годов прошлого века, когда он ушел на пенсию, а я поступил в докторантуру и активно занимался подготовкой своей докторской диссертации. В общем, у нас было много свободного времени, и мы его использовали для самого, наверное, ценного в жизни – человеческого общения. Наши встречи мы сами планировали, и они проходили не реже одного раза в неделю. Нужно сказать, что после завершения преподавательской карьеры Яков Фомич испытывал определенный дефицит человеческого общения и был всегда очень рад, если к нему приходили в гости друзья, коллеги, знакомые. Я, в силу нашей разницы в возрасте, не мог, конечно, относить себя к друзьям Якова Фомича, но встречи наши проходили в теплой и дружеской обстановке.

Темы наших бесед были самыми разнообразными. Яков Фомич живо интересовался делами на кафедре и в университете, всеми изменениями в жизни его коллег. Не обходилось и без обсуждения философских проблем, которыми занимался мэтр и которые интересовали меня в ту пору. Нужно сказать, что политические и спортивные темы его мало занимали. Иногда размышления Якова Фомича по той или иной философской проблематике выводили его на воспоминания о людях, известных в философской среде, с которыми ему приходилось учиться, работать или контактировать на международных конференциях,

конgressах, защитах кандидатских и докторских диссертаций. Религиозная тематика была для него, на мой взгляд, достаточно болезненной. Он и не считал себя воинствующим атеистом, но и верующим он никогда не был, честно признавая свою неспособность верить в Бога.

Когда я в середине 1997 года стал готовиться к поездке в Германию, выиграв грант немецкой службы академических обменов, Яков Фомич попросил меня связаться там с его старшим братом и дал мне контактные телефоны. Он рассказал мне о его трагической судьбе. Брат со своей женой, русской немкой, проживал в Казахстане, а когда стал возможен переезд в благополучную Германию, решил уехать туда к родственникам жены. Но сразу после приземления в немецком аэропорту его жена скончалась, не выдержав, наверное, физических и эмоциональных перегрузок, и брат Якова Фомича оказался совершенно один в чужой стране, не владея немецким языком.

Яков Фомич ушел из жизни до моего отъезда в Германию, но я выполнил его последнюю просьбу, встретившись с его братом.

Женщина из-за овражья

Т.П. ФОКИНА

профессор кафедры
социальных коммуникаций
Поволжской академии
государственной службы

Человек «с биографией». Так говорят не просто о значительных людях, а о тех, жизнь и судьба которых интересна сама по себе как знаковое явление, тесно связанное со своим временем, его изломами и изгибами, итогами и последствиями. К числу таких людей принадлежит, несомненно, Яков Фомич Аскин.

Время, о котором он много размышлял и многое успел сказать, только усиливает значительность его личности, важность решений, принимаемых им как гражданином, ученым, руководителем, товарищем. Этих решений он не боялся, хотя многие из них требовали от него умения рисковать, размышлять и отвечать за их последствия.

Для меня некоторые его решения оказывались поворотными. Я не училась у Якова Фомича, не была ни его студенткой, ни аспиранткой, но в момент защиты диссертации в 1967 году он оказал мне существенную поддержку при подборе оппонентов и во время дискуссии, на самой защите.

В то же время он пожурил меня за то, что я «умудрилась» написать свою квалификационную работу по философии техники, плохо зная западных философов, которые писали по этой проблеме. Оправдания по поводу «занавеса», хотя бы и «железного», им не принимались. Он полагал, что